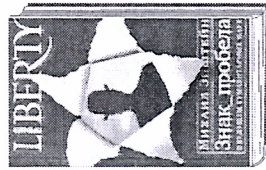

СЛОВОВАНИЯ ПРОТЕЯ

1 Эпштейн. Знак протей: гуманитарных наук. — М.: Итературное обозрение, 2004.

ный в одном западном справочнике из ведущих теоретиков последней четверти столетия Наумович Эпштейн и фигура чрезвычайно значимых работ минувших лет, доксы новизны», «Природа, как вселенной», «Новое секторное развитие в России», «Постмодерн в России», превеличания быть названы тектуальными бестселлерами: совка и постсоветской

и Михаилу Эпштейну вручена премия учрежденная за год и предназначенная за выходящийся секс-американскую и развитие культуры и развития между Россией». Среди иных лауреатов Лев Лосев, Василий Лев Рубинштейн, Лев Рубинштейн, аришников, Виктор Голы и лауреатов премии) начало Эпштейна новую серию, в которой предлагается издавать авторских «Liberty».

под знаком которой «культуре снова познано всё, на что накладывал запрет постмодернизм: новизна, история, метафизика и даже утопия».

Вообще, изменчивость — характернейшая черта эпштейновской мысли. Неудовимый античный бог Протей, принимавший любые образы, таит в себе дорогую Эпштейну приставку, и символизирует культуру и цивилизацию будущего, которая «стоит из потоков энергии и информации, легко меняющих свою материальную форму в конкретных условиях своего прохождения через ту или иную среду». Сам язык предстает пока еще необыкновенно бедным словесными формами, но имеет потенцию к чуть ли не бесконечному росту, причём

Эпштейн отдает дань и хлебниковскому авангардному слотворчеству, и архаизаторскому языковому расширению Солженницына. Более того: слово несет в себе не только семантику, но и эстетический эффект, может быть целостным произведением, «однословием».

Будущее культуры, будущее гуманитарных наук подразумевает, по Эпштейну, движение в невоенные области, требующие выделения новых областей знания. Здесь автор ссылается на Фрэнсиса Бэкона, на его концепцию «желательных наук», отсутствовавших в энциклопедии знания той эпохи, но позже возникших. Так и Эпштейн постулирует необходимость гуманитарии, которая «изучает человека как часть техносферы, которая создается людьми, но постепенно подчиняет и расширяет их в себе»; культуроника, «гуманитарной технологии, изобретательской и конструкторской деятельности в области культуры»; реалогии, «науки о единичных вещах», и так далее...

Метод мысли Эпштейна — эссеизм, последовательный и идеологизированный. Недаром Михаил Наумович — живой классик эссеистики, теоретик и пропагандист эссе как типа творчества и формы мышления, более того, как «возрождение мыслемобразной целостности мифа на основе авторской рефлексии». Отсюда и противоположение «логичных» наук, аналитических — «софийных», синтетических, а, следовательно, и то предпочтение, которое очевидно высказывает Эпштейн мудрости перед философией.

Отсюда, однако, — и та эссеистическая поверхность, неизбежная, которая столь характерна для эпштейновской манеры мышления. Если углубленное знание ограничено (а в этом есть безусловная доля правды), то широта мудрствования порой необязательна, а порой внутренне протипо-

воречива (впрочем, «протейность» вполне может смириться с противоречиями).

Периодически возникает чувство легкой досады: Эпштейн своим разительным, прямо-таки фантастическим чутьем обнаруживает точки роста — либо, напротив, болельцы точки — культуры и цивилизации, указывает на них, но не способен толком ничего продемонстрировать.

Одна из причин этой неприятности — эпштейновское пренебрежение работами соратников по мыслительному цеху. Нет, работы его подымают — но вполне произвольных. Конечно, эссе — не слишком академический жанр. «Авторская рефлексия», безусловно, подразумевает изрядную долю субъективности, более того, является, по сути дела, высказыванием частного лица, пусть и не чуждого претензий на экспертную оценку. Однако некоторые эссе Эпштейна, увы, вторичны. Так, например, рассматривая понятие «жуткого» и «странного», автор не знал, видимо, работы Сергея Лишаева «Эстетика Другого» (а ведь там подобного рода категории рассматриваются с поразительной глубиной), и это не единственный пример...

Нельзя, впрочем, объять необъятное. Но есть в книге Михаила Эпштейна одно умолчание, представляющее прямо-таки кричащим. Это — Станислав Лем. Его молчаливое присутствие обнаруживается на протяжении всей книги — от конструирования терминов будущей цивилизации, до описания путей культурных технологий и трансформации человека. И ситуация неупоминания в данном случае вызывает законный вопрос: почему?

Протей, однако же, есть Протей: он вывернется из рук, обернется несоломо чем, ускользнет. И в этом ускользании — особая прелесть новой книги Михаила Эпштейна.

Данна Давидовна